

ЭХО ТЕРАКТА В «КРОКУС СИТИ ХОЛЛЕ»: АВТОРИТАРНАЯ ДИСФУНКЦИЯ, ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

ВСЕВОЛОД БЕДЕРСОН, ВЛАДИМИР
ЗВОНОВСКИЙ, АЛЕКСАНДР ХОДЫКИН,
ОЛЕГ ХОХЛОВ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ КИРИЛЛА РОГОВА

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 АВТОРИТАРНАЯ ДИСФУНКЦИЯ: ЗАЧЕМ РОССИЙСКИЕ ВЛАСТИ УСТРОИЛИ ОХОТУ НА МИГРАНТОВ?
- 9 ВОЙНА НАРРАТИВОВ И КОНСЕРВАТИВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ДВОЙСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ СТРАТЕГИИ
- 14 МЕЖДУ УМЕРЕННОЙ КСЕНОФОБИЕЙ И НИЗКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТЬЮ: ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ ДО И ПОСЛЕ ТЕРАКТА / ВЛАДИМИР ЗВОНОВСКИЙ, АЛЕКСАНДР ХОДЫКИН

Теракт в «Крокус Сити Холле» стал катастрофическим провалом российских властей и спецслужб, однако двойная стратегия Кремля — возложение ответственности за теракт на Украину и Запад и масштабная антимигрантская кампания — позволила властям уйти от ответственности за этот провал. Авторитарная дисфункция оборачивается людскими и экономическими потерями, но компенсируется успешным использованием инструментов консервативной мобилизации.

Теракт в «Крокус Сити Холле», унесший жизни 145 человек, стал катастрофическим провалом российских властей и спецслужб. Несмотря на предупреждения из двух источников — американской и иранской разведки, — российские власти не предприняли превентивных мер безопасности, а президент Путин накануне теракта публично назвал предупреждения американской разведки провокацией.

Тем не менее российским властям скорее удалось избежать ответственности за этот провал в глазах населения. Такого эффекта они сумели достичь за счет сочетания двух пропагандистских стратегий. С одной стороны, официальные лица и государственные СМИ возложили конечную ответственность за теракт на Украину и Запад, где якобы находятся его заказчики. Это включило теракт в контекст «экзистенциального» противостояния России и Запада и повысило его статус до уровня международной конспиративной операции против России.

В то же время правоохранительные органы развернули широкую кампанию в России, направленную против трудовых мигрантов из Центральной Азии. Кампания включала облавы, массовые высылки, усиленные проверки в аэропортах и запреты для мигрантов на определенные виды трудовой деятельности в регионах. Власти Киргизии и Таджикистана даже рекомендовали своим гражданам временно воздержаться от поездок в Россию. Наряду с демонстративно жестоким задержанием подозреваемых в совершении теракта граждан Таджикистана, эта кампания призвана была создать впечатление действенности и эффективности силового аппарата российской власти, вытеснив впечатление его бездеятельности и дисфункциональности, возникшее в момент теракта.

Данные опросов, проведенных «Левада-центром» и компанией ExtremeScan через две недели после теракта, показали, что 65% респондентов поддерживают версию российских властей, что за терактом в «Крокус Сити Холле» стоят украинские и западные спецслужбы. При этом лишь 22% участников опроса «Левада-центра» считают, что ответственность за непредотвращенный теракт несут российские спецслужбы. В то же время около половины (48%) думают, что теракт стал возможным, потому что «террористы пользовались поддержкой иностранных спецслужб». Эти распределения свидетельствуют об успехе «двуствольной» пропагандистской стратегии Кремля.

Реакция общественного мнения на теракт отразила эффекты «войны нарративов» и эхо-камер. В то время как 65% опрошенных поддержали

официальную версию событий, 15% придерживаются альтернативной версии, согласно которой за терактом стоят исламистские организации и российские спецслужбы. Сторонники двух версий оказались четко разделены по признаку их отношения к режиму Путина и войне в Украине, а также в оценках наиболее значимых личных и общественных угроз. Оппозиционно настроенные респонденты сфокусированы на социально-экономических проблемах, в то время как лоялисты — на геополитических угрозах.

Пропагандистская кампания властей дала определенный мобилизационный эффект: доля заявивших о личной поддержке «СВО» в апрельском опросе ExtremeScan подскочила до 61% при среднем значении 52% в январе–марте. В то же время реальная картина интерпретации теракта в массовом общественном мнении зависит от того, насколько полно в опросах представлены противники российской власти и войны, которые в условиях репрессивного климата мнений могут чаще уклоняться от разговора с полстером, чем лояльно настроенные респонденты.

Организованная властями антимигрантская кампания пришлась на тот момент, когда потребность в работниках на российском рынке труда достигла максимума. За два года войны этот рынок потерял около 1 млн человек (1,5% занятых) в результате нескольких волн релокации, мобилизации и широкой вербовки контрактников. Нехватка рабочей силы стала одним из факторов повышенного инфляционного фона. В средне- и долгосрочной перспективе это давление на рынке труда сохранится или будет нарастать.

Трудовые мигранты (временные и оседлые) могут составлять сегодня в России порядка 10% рабочей силы. Однако в результате неблагоприятных демографических трендов ее дефицит продолжит нарастать и к 2030 году, согласно экспертным оценкам, составит от 2 до 4 млн человек. При этом конкуренция за рабочую силу, которую поставляет в Россию Центральная Азия, постепенно усиливается, жители центральноазиатских государств все чаще рассматривают другие страны с более предсказуемым миграционным климатом. В этой ситуации антимигрантская кампания наносит существенный ущерб экономике, в то время как ее «антитеррористический» эффект практически равен нулю.

Важно отметить, что развернутая российскими властями антимигрантская кампания не является ответом на запрос снизу. Опрос населения об отношении к мигрантам, проведенный уже после теракта, не фиксирует явного всплеска ксенофобии, которая остается на умеренном уровне, характерном для России последних лет. Неприязнь и беспокойство в отношении мигрантов выражают около 20% опрошенных, в слабой форме — еще около 10%. При этом сокращение социальной дистанции (знакомство, соседство) заметно снижает этот уровень. Доверие к близкому окружению, компенсирующее низкое обобщенное доверие и доверие к институтам, вытесняет ксенофобию с межличностного на стереотипический уровень.

В то же время россияне в большинстве невысоко оценивают значимость труда мигрантов для экономики и не считают, что они подвергаются

в России дискриминации. Впрочем, ответы на оба эти вопроса сильно политизированы: противники действующей власти вдвое чаще сторонников говорят о нарушениях прав мигрантов и в полтора раза чаще — о пользе мигрантов для России. Иными словами, лояльное российским властям и их нарративам население не получает сигнала толерантности к трудовым мигрантам сверху, а получает скорее противоположный сигнал, подпитывающий подозрительность и недоверие.

Антимигрантская кампания российских властей выглядит проявлением феномена авторитарной дисфункции. Провал в предотвращении теракта политические власти и силовые структуры компенсировали имитацией эффективности в обеспечении безопасности постфактум. Таким образом, вместо того чтобы инвестировать в эффективность спецслужб, авторитарные власти предпочитают инвестировать в низкоэффективные и затратные технологии тотального контроля и не считают с попутным вредом, который они наносят экономике. В то же время, стимулируя подозрительность и недоверие к мигрантам и конспирологические теории «заговора против России», власти добиваются значительного эффекта консервативной мобилизации, что позволяет им на близком горизонте купировать неэффективность текущей системы.

1. АВТОРИТАРНАЯ ДИСФУНКЦИЯ: ЗАЧЕМ РОССИЙСКИЕ ВЛАСТИ УСТРОИЛИ ОХОТУ НА МИГРАНТОВ?

- Ответом на теракт в «Крокус Сити Холле» стала масштабная кампания, включавшая массовые облавы, высылки и отказы во въезде для тысяч трудовых мигрантов, а также запреты на работу для них в определенных сферах.
- При этом российская экономика как никогда нуждается в притоке трудовых ресурсов, недостаток которых становится фактором, влияющим на макроэкономические показатели.
- По некоторым оценкам, трудовые мигранты могут составлять до 10% всей рабочей силы в стране, и это не покрывает ее потребностей, а к концу 2020-х дефицит на рынке труда может составить от 2 до 4 млн человек.
- Ресурсы поставки рабочей силы на российский рынок труда из стран Центральной Азии, вероятно, уже достигли предела, а конкуренция за рабочую силу из этого региона в ближайшее время будет обостряться. Граждане этих стран осваивают новые направления трудовой миграции.

- Антимигрантская кампания выглядит экономически иррациональной и в то же время бесполезной в контексте задач противодействия терроризму. Однако двигателем ее является потребность властей демонстративной жесткостью и массовостью контроля компенсировать впечатление собственной некомпетентности и бездеятельности накануне и в момент совершения теракта.

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ «АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ» КАМПАНИЯ

Реакцией российских властей на теракт в «Крокус Сити Холле», в совершении которого обвиняются граждане Таджикистана, стала широкая антимигрантская кампания. Владимир Путин назвал нелегальную миграцию «питательной средой для экстремистской деятельности, да и просто откровенной уголовщины». А теперь уже бывший секретарь Совета безопасности Николай Патрушев даже увидел в «спровоцированных рукотворными кризисами потоках мигрантов» предпосылки «для распада страны».

В течение недели после теракта в 68 регионах прошли рейды против нелегальных мигрантов, [подсчитало издание «Агентство»](#). В результате было возбуждено не менее 161 уголовного дела, более 1,7 тыс. иностранцев выдворили из страны, несколько сотен мигрантов, получивших ранее российское гражданство, получили повестки в военкомат. Ряд регионов ограничили наем иностранных работников. Теперь те или иные ограничения действуют более чем в 30 регионах, [подсчитало издание RTVi](#). Чаще всего иностранцам запрещают работать в сферах торговли, пассажирских и грузовых перевозок (запрет работать в такси введен в 29 регионах), в производстве продуктов питания, а также в общепите и гостиничном бизнесе. МВД разработало [законопроект](#), ужесточающий ряд положений миграционного законодательства. В частности, он ограничивает срок пребывания иностранцев в России 90 днями в течение календарного года. Госдума также [ужесточила](#) правила легализации иностранцев через брак.

В итоге министерства иностранных дел [Таджикистана](#) и [Кыргызстана](#) рекомендовали соотечественникам воздержаться от поездок в Россию без острой необходимости. Власти Таджикистана [зафиксировали](#) отток мигрантов, массовые отказы во въезде в Россию и притеснение мигрантов на «бытовом уровне». МИД Кыргызстана заявил, что роста числа отказов во въезде не наблюдает, но предложил дождаться снятия «дополнительных мер безопасности и режима усиленного контроля пропуска через государственную границу».

Поведение российских властей и правоохранителей выглядит достаточно иррационально. В России наблюдается небывалый спрос на рабочую силу, который в том числе ведет к усилению инфляционного давления в экономике. Помимо того что Россия находится на траектории спада рождаемости и сокращения числа входящих на рынок труда, за два года войны этот рынок потерял, по всей видимости, около 1 млн человек (1,5% занятых) — из-за связанных с войной волны релокации, мобилизации

и широкой вербовки контрактников ([→ Re: Russia: Рекордная недоработица](#)). В то же время гальванизация выпуска в оборонной промышленности и «структурная трансформация» экономики создали дополнительный спрос на рабочие руки. Поэтому потребность в трудовой миграции выглядит острой как никогда и в ближайшие годы будет только нарастать.

МИГРАНТЫ И РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: МАСШТАБ ПРОБЛЕМЫ

В первые два года войны приток трудовых мигрантов, вопреки ожиданиям, оставался стабильным. В 2023 году с целью работы российскую границу пересекли 4,5 млн иностранцев, следует из [данных погранслужбы ФСБ, которые приводят «Ведомости»](#). («Работу» целью поездки требуется указать, чтобы затем получить официальное разрешение на работу.) Это даже выше уровня допандемийного 2019 года, когда границу пересекли 4,1 млн потенциальных работников. Больше всего среди въехавших в прошлом году было граждан Узбекистана (2 млн), Таджикистана (1,2 млн) и Кыргызстана (0,7 млн). По всем трем странам приток превысил допандемийный уровень.

Данные ФСБ, впрочем, дают лишь некоторое представление о динамике въезда, но не позволяют судить об общей численности иностранной рабочей силы в России. ФСБ фиксирует каждое пересечение границы, в то время как многие мигранты могут уезжать и возвращаться по несколько раз за год. [По информации МВД](#), в 2023 году иностранным гражданам было выдано 2,3 млн новых трудовых патентов (на 3,6% больше, чем в 2022-м) и 99,1 тыс. новых разрешений на работу (+23,6%). Но и эти данные тоже могут служить лишь ориентиром. Во-первых, граждане Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана могут устраиваться на работу без всяких патентов и разрешений — их страны входят в Евразийский экономический союз. Во-вторых, патент выдается для работы в конкретном регионе — при переезде нужно получать новый. Отмена этого ограничения лишь [обсуждается](#).

В связи с запутанностью и изменчивостью правил учета относительного общего числа трудовых мигрантов в России приходится полагаться на экспертные оценки. Всего на начало 2024 года в России могло находиться немногим менее 8 млн временных и оседлых трудовых мигрантов, говорят эксперты, опрошенные «Ведомостями». В 9–11 млн человек численность трудовых мигрантов оценивается в недавнем [докладе исследовательского центра Observer Research Foundation \(ORF\)](#). Примерно такую же оценку — 10 млн человек — недавно привел и Путин. Таким образом, трудовые мигранты (временные и оседлые) могут составлять в России порядка 10–12% рабочей силы. Однако и они не покрывают растущей потребности в мигрантах. Из-за сокращения рождаемости дефицит рабочей силы продолжит усиливаться и к 2030 году, [согласно экспертным оценкам](#), составит от 2 до 4 млн человек.

ИСЧЕРПАЕМЫЙ РЕСУРС И КОНКУРЕНЦИЯ ЗА РАБОЧУЮ СИЛУ

Российские власти считают, что у рабочей силы из Центральной Азии и некоторых других стран бывшего СССР нет альтернативы российскому рынку труда. Отчасти это так и есть, но полная картина существенно сложнее.

Во-первых, потенциальный приток трудовых мигрантов в Россию из этих стран, вероятно, уже достиг предела, в то время как потребность в рабочих руках продолжает увеличиваться. Во-вторых, в долгосрочной перспективе привлекательность российского рынка труда будет снижаться из-за постепенного ослабления рубля, прогнозирует эксперт ORF Раджولي Сиддхарт Джаяпракаш. В результате начавшейся в прошлом году девальвации рубль подешевел на 22% к киргизскому сому, на 18% к узбекскому суму, на 25% к армянскому драму и на те же 25% к казахскому тенге. Рублевые доходы мигрантов, впрочем, тоже выросли, но не так сильно. [Согласно опросам мигрантов, которые провел Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС](#), в 2022 году медианный месячный доход в московском регионе, где работают примерно 40% всех иностранных мигрантов, составлял 50 тыс. рублей, в 2023-м — 60 тыс. Прирост на 20% почти компенсирует потери девальвации, однако в нестоличных регионах рост зарплаток был скромнее.

Раджولي Сиддхарт Джаяпракаш предсказывает, что постепенно граждане Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана будут переключаться на другие рынки, где экономическая ситуация стабильнее, а люди настроены толерантнее. Он отмечает, что к этому стремятся и власти стран Центральной Азии. Так, например, Узбекистан, основной поставщик рабочей силы в Россию, ведет переговоры об упрощении условий трудоустройства своих граждан в Германии и еще ряде стран ЕС, а также в Великобритании. Основой для переговоров служит принятая еще в 2019 году [стратегия ЕС в отношении Центральной Азии](#), которая подразумевает в том числе привлечение трудовых мигрантов из этого региона. Кроме того, Узбекистан развивает сотрудничество в сфере трудовой миграции с Израилем и Саудовской Аравией. Пока в развитые страны отправляются немногие. При посредничестве узбекского Агентства внешней трудовой миграции за два года на работу в развитые страны уехали примерно 70 тыс. человек — при этом всего за рубежом работают 2–3 млн граждан Узбекистана. Более очевидными альтернативами России выступают Турция и Казахстан, в которые, как и в Россию, граждане республики могут попасть без виз. Первую, отмечает эксперт ORF, из-за близости культур все чаще выбирают узбекские женщины.

Данные опроса Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС говорят о том, что большинство трудовых мигрантов свои перспективы в России пока оценивают оптимистично. В 2022 году таких ответов было 63%, в 2023-м — 71%. В то же время число желающих остаться в России насовсем снижается — а это важный показатель абсорбции. В 2022 году такими планами поделились 31% респондентов, в 2023-м — 25%. Соответственно, становится меньше желающих получить в России долгосрочный статус (разрешение на временное пребывание, вид на жительство или гражданство). В опросе 2023 года таких было 46% — против 58% годом ранее. Число тех, кто точно этого не хочет, возросло с 28 до 40%. По всей видимости, это связано со страхом попасть на войну: российские власти мечтают компенсировать за счет мигрантов не только прорехи на рынке труда, но и недостаток людской силы на фронте. Однако в условиях добровольности трудовой миграции эти цели оказываются несочетаемы.

АВТОРИТАРНАЯ ДИСФУНКЦИЯ: ЗАЧЕМ ВЛАСТИ ПРЕСЛЕДУЮТ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

Поведение российских властей действительно выглядит иррациональным. Сначала они не придали значения предупреждениям [американских](#) и иранских спецслужб о готовящемся теракте и не сумели предотвратить его, несмотря на достаточно точные указания. Затем объявили заказчиками теракта украинские и западные спецслужбы и параллельно начали кампанию против трудовых мигрантов из Центральной Азии. При этом массовые проверки документов и маски-шоу — налеты, иногда с участием спецназа и кинологов, на места скопления и проживания мигрантов, — разумеется, не могли дать значимого эффекта для целей борьбы с терроризмом.

Парадоксально, но не является причиной такого поведения властей также и рост ксенофобии и враждебности к мигрантам после теракта. Как показал проведенный спустя две недели опрос компании ExtremeScan, тревожность и враждебность в отношении мигрантов после «Крокуса» не выросла, но осталась примерно на прежнем уровне (см. раздел 2 настоящего доклада). А на прямой вопрос социологов, изменится ли отношение родных и близких респондентов к мигрантам из Центральной Азии в связи с тем, что исполнители оказались выходцами из Таджикистана, лишь 10% заявили, что сильно изменится в худшую сторону, 21% предположили, что изменится, но незначительно, и 62% заявили, что отношение не изменится. Это показывает, что в действительности граждане видят источник террористической угрозы отнюдь не в этничности исполнителей теракта.

Массированная и бессмысленная кампания властей и силовых структур против трудовых мигрантов в первые недели после теракта может объясняться лишь стремлением продемонстрировать населению признаки «безопасности» и надежности контроля над угрозами постфактум, «стерев» таким образом впечатление об их бездействии и некомпетентности во время теракта. Сначала в этой функции подтверждения состоятельности спецслужб выступили сцены запоминающегося своей жестокостью задержания предполагаемых террористов. На следующем этапе тотальность и массовость контроля за мигрантами призваны были окончательно дезавуировать представление о слабости и неэффективности силового потенциала государства.

Таким образом, реакция властей на теракт и собственную неспособность предотвратить его состояла из двух элементов — двух связанных пропагандистских кампаний. Первая — объявление его заказчиками украинских и западных спецслужб — повышала статус теракта до международной конспирации против России; вторая — охота на мигрантов — демонстрировала надежность контроля российскими правоохранителями ситуации внутри страны в целом и в среде мигрантов в частности.

Парадоксальная дисфункция автократии состоит в том, что она предпочитает инвестировать в тотальный контроль со стороны силового аппарата, призванный производить впечатление скорее на рядовых граждан, а не в эффективность противодействия террористической угрозе. При

этом она не только раздувает масштабы и стоимость силового аппарата и средств контроля, но также жертвует экономическими интересами — в данном случае столь необходимыми экономике мигрантами — для создания ложного впечатления своей эффективности. В то же время — как показывают данные социологических опросов — такая стратегия достигает целей авторитарного контроля, пусть и за счет высокой цены — количества погибших в ходе теракта и экономических потерь, связанных с иррациональной миграционной политикой.

2. ВОЙНА НАРРАТИВОВ И КОНСЕРВАТИВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ДВОЙСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ СТРАТЕГИИ

- Около 65% опрошенных «Левада-центром» и ExtremeScan поддерживают версию российских властей о том, что за терактом в «Крокус Сити Холле» стоят украинские и западные спецслужбы. Альтернативной версии придерживаются около 15%.
- Сторонники двух версий четко разделены по признаку их отношения к политическому режиму Путина и войне в Украине, а также расходятся в оценках наиболее значимых личных и общественных угроз. Оппозиционно настроенные респонденты сфокусированы на социально-экономических проблемах, лоялисты — на геополитических угрозах.
- Убедив значительную часть граждан, что заказчиками теракта являются внешние силы, и вставив его в контекст «экзистенциального» противостояния с Западом, власти сумели купировать ответственность за собственный провал в предотвращении теракта, а также добиться определенного мобилизационного эффекта: доля заявивших о своей поддержке «СВО» выросла в опросе ExtremeScan на 9 процентных пунктов.
- С учетом того, что оценки теракта и поддержка той или иной версии тесно связаны со всем комплексом отношений респондента к политическому режиму и войне, реальная картина интерпретации теракта в массовом мнении зависит от того, насколько полно в условиях репрессивного климата мнений в опросах представлены противники российской власти и войны.

ВОЙНА НАРРАТИВОВ И ЭФФЕКТ ЭХО-КАМЕР

Проведенные во второй половине апреля [опросы «Левада-центра»](#) и компании [ExtremeScan](#) демонстрируют, что официальная пропаганда в значительной степени достигла своих целей: россияне, во всяком случае те из них, которые участвуют в опросах, в большинстве поддерживают официальный нарратив о том, что за терактом в «Крокус Сити Холле» стоят Украина и Запад. Результаты двух социологических центров оказались на редкость близкими. Разница состоит в том, что в опросе «Левада-центра» респонденты могли давать больше чем один ответ. В итоге в обоих вопросах 37% возложили ответственность за теракт на Запад, 9–11% — на исламистский экстремизм, еще 4% — на некие «силы внутри России» или российские спецслужбы. Последняя группа скептически относится к официальным версиям и предполагает, что за терактом стоит некоторая внутрироссийская конспирация. 21–24% не смогли выбрать одну из версий. На Украину ответственность в опросе ExtremeScan возлагали 27%, а в опросе «Левада-центра» — 50%. Однако при общем подсчете становится ясно, что возможность давать больше одного ответа в опросе «Левада-центра» привела к тому, что называвшие версию «Запад» указывали также в качестве заказчиков «Украину». «Западная» и «украинская» версия, как и в риторике российских властей, представляется им в сущности единой.

Заказчики теракта в «Крокус Сити Холле» в общественном мнении, % от числа опрошенных

ExtremeScan: Как вам кажется, кто является главным заказчиком этого преступления?		«Левада-центр»: Как вы считаете, кто стоит за терактом в «Крокус Сити Холле» в марте этого года?	
Страны Западной Европы или США	37	Западные спецслужбы	37
Украина	27	Украинские спецслужбы	50
Религиозные экстремисты, ИГИЛ	9	Радикальные исламисты	11
Какие-то силы внутри России	4	Российские спецслужбы	4
Другое	4	Другое	1
Затрудняюсь ответить / отказ от ответа	20	Затрудняюсь ответить	20

Источники: ExtremeScan, Левада-центр

Суммируя данные, можно сказать, что порядка 65% респондентов воспроизводят официальный нарратив, приписывая планирование теракта Западу и/или Украине. 13–15%, выбравшие ответы «исламский экстремизм» и «силы/спецслужбы внутри России», поддержали альтернативный нарратив, отвергнув официальную версию. 20% или чуть более затруднились с ответом.

Хотя Кремлю удалось в информационном и символическом плане навязать большинству, представленному в этих опросах, свою версию причин теракта, более пристальный анализ показывает, что эта восприимчивость практически полностью зависит от общих установок респондента в отношении политического режима и «СВО».

«Анализ данных ExtremeScan позволяет сделать вывод о наличии призмы политической лояльности в интерпретации событий теракта, — пишет в [своем обзоре этих данных](#) основатель и главный исследователь компании ExtremeScan Елена Конева. — „Лоялисты“ (это те, кто одобряет Путина, уверен в честности прошедших выборов, имеет более оптимистичный взгляд на экономику, враждебен по отношению к Западу, одобряет смертную казнь; их 64% среди опрошенных) поддерживают версию пропаганды об ответственности Украины и Запада, а „скептики“ (диаметрально противоположный набор мнений в сравнении с „лоялистами“; их 13% от опрошенных) склонны возлагать вину на ИГИЛ или „какие-то силы внутри России“. Это же распространяется и на другие вопросы, связанные с терактом. Так, например, политической позицией обусловлено расхождение в оценке реакции российских силовых структур на теракт: 57% „лоялистов“ считают реакцию успешной и эффективной, тогда как 97% „скептиков“ оценивают ее как провал».

Поддержка официального и альтернативного нарративов относительно теракта в группах с различными политическими установками, % от числа опрошенных

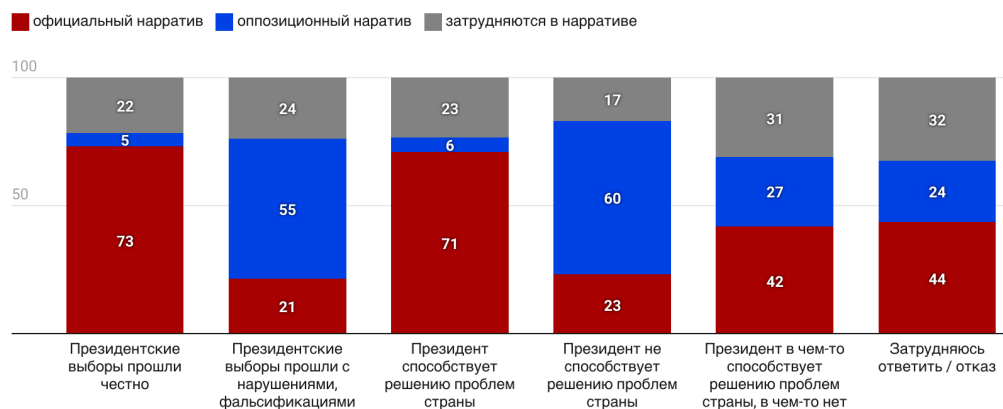
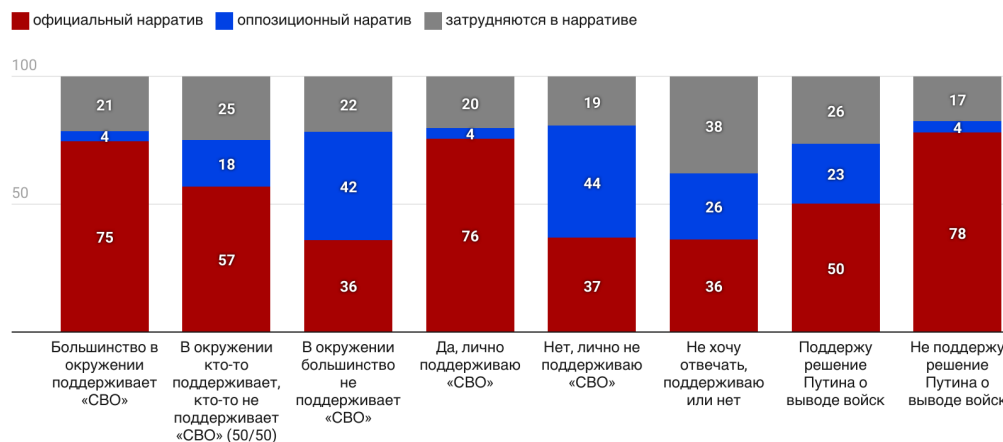

График: ExtremeScan

Источник: ExtremeScan

Как видно на диаграммах, картины поддержки официозного и альтернативного (оппозиционного) нарративов в группах с разными политическими установками и с разным отношением к войне практически зеркальны. Впрочем, некоторая асимметрия есть. Лоялисты более консолидированы, среди них официальный нарратив поддерживают 70–75% и не поддерживают лишь около 5%. В то время как среди оппозиционно настроенных респондентов поддерживают альтернативный нарратив 40–60%, а от 20 до 40% готовы поддержать официальный. При этом среди тех, кто лично не поддерживает «СВО» и находится среди не поддерживающих войну, группы практически равны: 43% поддерживают альтернативный нарратив и 37% — официальный.

Однако в целом можно сказать, что две группы, придерживающиеся диаметрально противоположных взглядов, достаточно консистентны, а реальная картина отношения к теракту зависит от того, насколько полноценно в выборке представлены оппозиционно настроенные контингенты (в условиях репрессий и широкого психологического давления пропаганды оппозиционно настроенные люди могут чаще отказываться от участия в опросах).

ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ, СТРАХИ И УГРОЗЫ В ТЕНИ ТЕРАКТА

Теракт в подмосковном концертном зале предсказуемо оказал влияние на чувство личной безопасности российских граждан. По данным «Левада-центра», доля тех, кто опасается, что кто-то из близких или сам респондент могут стать жертвами теракта, возросла в сравнении с 2023 годом на 18 процентных пунктов и составляет 73%. Последний раз таким высоким этот показатель был после трагедии в петербургском метро в 2017 году (78%). По данным ExtremeScan, угроза терактов (64%) делит с повышением цен (65%) первое место в рейтинге личных угроз (для себя и семьи) в 2024 году.

Впрочем, в восприятии угроз и здесь можно отметить политическую поляризацию. Среди тех, кто считает, что деятельность президента Путина способствует решению проблем в стране (таких в выборке ExtremeScan 78%), больше всего респондентов (65%) опасаются угрозы терактов, почти столько же (62%) — повышения цен. Среди тех, кто считает, что деятельность Путина не способствует решению проблем в стране, подавляющее большинство, 83%, опасается именно повышения цен, практически столько же, 82%, — ухудшения материального положения, 69% — злоупотреблений со стороны силовиков и на этом фоне только 61% опасается возможных терактов. Другими словами, «скептики» более сосредоточены на внутренних социально-экономических проблемах.

«Болезни, техногенные катастрофы, угроза применения ядерного оружия и обстрелы со стороны Украины также являются зоной согласия между лагерями, — комментирует Елена Конева. — Риски же повышения цен, ухудшения материального положения, потери работы, мобилизации и злоупотребления сотрудников силовых структур отличаются — настолько радикально, как будто группы живут в разных странах. Сторонники Путина в 1,5–2,5 раза более оптимистичны относительно личных угроз в этих областях.

Когда дело касается угроз безопасности России в целом, то зона консенсуса значительно меньше, видимо потому, что угрозы здесь на уровне государства и более отчетливо говорят о дееспособности власти, а это является зоной разногласий политических групп».

Личные и общественные угрозы в восприятии различных политических групп,
% от числа опрошенных

Всего	Президент не способствует решению проблем	Президент в чем-то способствует решению проблем, в чем-то нет	Президент способствует решению проблем	Заказчики теракта: религиозные экстремисты, ИГИЛ	Заказчики теракта: Украина	Заказчики теракта: Запад или США	Заказчики теракта: какие-то силы внутри России	
Угрозы безопасности страны								
Коррупция во власти	77	93	94	73	90	75	80	94
Противостояние с НАТО и США	62	37	67	66	43	72	73	38
Крах экономики / ослабление рубля	57	83	72	52	81	55	53	73
Угроза применения ядерного оружия	56	54	55	57	47	64	57	48
Личные угрозы								
Повышение цен	65	83	83	62	80	66	65	68
Возможные теракты	64	61	70	65	67	70	68	67
Ухудшение материального положения	55	82	80	49	82	52	49	69
Болезни, эпидемии	52	50	52	52	54	60	55	54

Источник: ExtremeScan

На этом фоне поразительно, что во всех политических группах среди личных и общественных угроз на первом месте оказывается «коррупция во власти». Это предмет абсолютного консенсуса. Как справедливо отмечает Елена Конева, коррупция является «зонтичным эвфемизмом для критики власти», однако для лояльных групп зона такой критичности оказывается замкнута в узкой сфере и соседствует с поддержкой официальных «геополитических» нарративов и экономическим оптимизмом.

Это подчеркивает также самый значимый эффект теракта, проявивший себя в опросе. По данным ExtremeScan, если в январе–марте доля заявляющих о том, что они поддерживают «СВО», колебалась в диапазоне 46–56% (в среднем 52%), то в апрельском замере она составила 61%. При этом доля открыто не поддерживающих войну не сократилась (15%), но резко сократилась доля отказывающихся отвечать и не определившихся с ответом. Также увеличилась доля не готовых вывести войска из Украины и перейти к мирным переговорам. Если в феврале 2024 года ощутимо преобладала позиция в поддержку вывода войск из Украины, «если такое решение примет Владимир Путин», — 48% против 32% тех, кто не поддерживал вывод войск, — то в апреле обе позиции сошлись в значении 44%.

Вопросы о поддержке войны в опросе задавались в конце, после вопросов о «заказчиках» теракта. Для тех, кто воспринял официальный нарратив, теракт, по замечанию Елены Коневой, «оказался материальным подтверждением мифа Путина о цивилизационном характере войны». Контроль над интерпретацией событий позволил Кремлю отодвинуть внутренние социально-экономические

и политические проблемы на второй план и, напротив, выдвинуть экзистенциальные страхи и угрозы на первый. И в результате купировать собственный катастрофический провал — игнорирование подробных предупреждений о теракте со стороны американских и иранских спецслужб.

Действительно, 59% респондентов [в опросе ExtremeScan](#) заявили, что борьба России с терроризмом протекает успешно, и практически равные доли сочли, что силовики «полностью не справились» (21%) и «полностью справились» (23%) с ситуацией во время нападения террористов на «Крокус Сити Холл». А [в опросе «Левада-центра»](#) ответственность за то, что нападение не предотвратили, была возложена респондентами на иностранные спецслужбы (48%), руководство концертного зала (26%) и стечение обстоятельств (10%). Лишь 22% возложили ее на российские спецслужбы.

3. МЕЖДУ УМЕРЕННОЙ КСЕНОФОБИЕЙ И НИЗКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТЬЮ: ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ ДО И ПОСЛЕ ТЕРАКТА

Владимир Звоновский
Социолог

Александр Ходыкин
Социолог

- Данные опросов, проведенных после теракта, не фиксируют явного всплеска ксенофобии, которая остается на умеренном уровне, характерном для России последних лет. Неприязнь и беспокойство в отношении мигрантов в среднем выражают около 20%, в слабой форме — еще чуть более 10%.
- Умеренный характер ксенофобии подчеркивает и то, что сокращение социальной дистанции — знакомство, соседство — заметно снижает уровень недоверия. Доверие к своему окружению, компенсирующее низкое обобщенное доверие и доверие к институтам, вытесняет ксенофобские настроения с межличностного уровня на обобщенный, стереотипический.
- При этом большинство опрошенных в среднем невысоко оценивают значимость труда мигрантов и не считают, что они подвергаются дискриминации. Впрочем, ответы на оба этих вопроса сильно политизированы: противники действующей власти вдвое чаще ее сторонников говорят о нарушениях прав мигрантов и в полтора раза чаще — о пользе мигрантов для России.

- Эти соотношения позволяют предположить, что на фоне умеренной и неглубокой ксенофобии лояльное властям большинство не получает сигнала толерантности «сверху», скорее наоборот, эти сигналы подпитывают «подозрительность» к мигрантам.

МЕЖДУ ЛИЧНОСТНЫМ И СТЕРЕОТИПИЧЕСКИМ: УМЕРЕННАЯ ТРЕВОГА, КСЕНОФОБИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ

После теракта в «Крокус Сити Холле» вопрос об отношении россиян к трудовым мигрантам из Центральной Азии вновь оказался в фокусе внимания. [Организация Human Rights Watch зафиксировала](#) увеличение числа случаев их преследований со стороны частных и должностных лиц на почве ксенофобии. [Исследовательский центр «Сова» также отметил](#) всплеск числа нападений на мигрантов после атаки террористов.

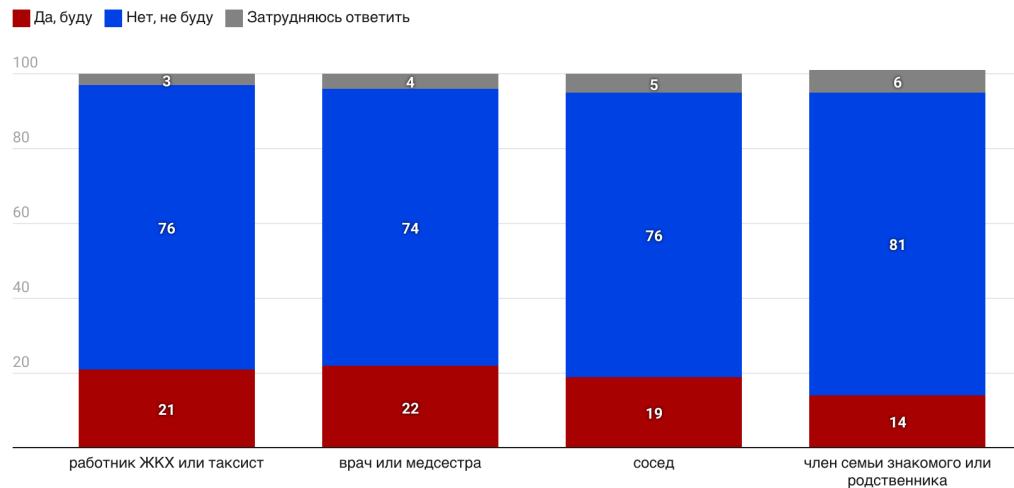
[Опрос компании ExtremeScan](#), проведенный 8–15 апреля, то есть через две недели после теракта, был призван замерить сразу несколько аспектов отношения россиян к мигрантам из Центральной Азии. Во-первых, исследователи спрашивали респондентов, будут ли они лично испытывать чувство тревоги или неприязни, если столкнутся с мигрантом, который окажется в социальной роли: 1) сотрудника ЖКХ или таксиста, 2) врача или медсестры, 3) соседа, 4) члена семьи знакомого или родственника. Эти вопросы сформулированы в соответствии с логикой шкалы Эмори Богардуса (Bogardus social distance scale) и гипотезой о прямой связи социальной дистанции с готовностью принятия «другого»: чем меньше социальная дистанция, тем меньше готовность допускать в этот круг людей иной национальности. Гипотеза, таким образом, предполагает, что тех, кто готов видеть людей из Центральной Азии в ЖКХ или за рулем такси, заведомо больше, чем тех, кто готов видеть их в качестве члена семьи близкого человека. Кроме того, эти вопросы позволяют оценить уровень предубеждений относительно профессиональных качеств мигрантов: поскольку большинство из них вынуждены заниматься неквалифицированным трудом, в обществе формируется стереотип об их неспособности к деятельности, требующей высокой квалификации и ответственности (врачи, медсестры).

По результатам опроса можно сказать, что тревога и неприязнь к мигрантам в России — даже после теракта — находятся на среднем уровне. Большинство респондентов (60%) считают, что не будут испытывать этих эмоций в отношении мигрантов ни в одной из предложенных ситуаций. Во всех четырех ситуациях негативные эмоции предвидят только 8% опрошенных, а каждый третий респондент (34%) думает, что испытает их как минимум в одной из предложенных ситуаций. Усредненный показатель негатива в целом по выборке равен 19%. При этом трудовая квалификация не имеет значения: и в случае с работниками ЖКХ и водителями, и в случае с врачами чуть более 20% опрошенных испытывают негативные эмоции к выходцам из Центральной Азии. Повышенные предубеждения относительно трудовых

мигрантов в сферах, требующих высокой квалификации, не выявлены — вторая гипотеза не подтвердилась.

Но и первая гипотеза не подтвердилась: наоборот, данные демонстрируют здесь обратную связь — чем меньше социальная дистанция, тем меньше негатива или тревоги в отношении выходцев из Центральной Азии. Если в отношении дворника эти эмоции испытает 21%, то в отношении вошедшего в семью близкого респонденту человека — только 14%.

«Будете ли вы испытывать тревогу или неприязнь, если столкнетесь с мигрантом из Центральной Азии в нижеследующих социальных ролях?», % от числа опрошенных

Источник: ExtremeScan

То есть если человек попал в ближний круг, он уже в силу этого обстоятельства вызывает доверие. Например, если человек наладил хороший контакт с врачом в своей поликлинике, этническая принадлежность врача не имеет большого значения. Если условный таджик или киргиз поселился на лестничной площадке и это «хороший человек», он вызывает доверие вне зависимости от своего происхождения. А если он стал членом семьи, это значит, вероятно, что он прошел некий «фильтр», потому что тревожность, связанная с его присутствием, снижается. Такое доверие к неформальным отношениям, установленным здесь и сейчас, обеспечивается прежде всего длительностью пребывания «чужака» в ближнем кругу. Так, незнакомец, который вместе с вами ожидает автобус поздним вечером, спустя 20 минут такого ожидания вызывает на порядок больше доверия, чем в тот момент, когда он только пришел на эту остановку. Неформальный контакт более значим, чем формальные институты и маркеры социальных статусов.

Таким образом, доверие россиян к своему окружению, компенсирующее обобщенное недоверие и низкое доверие к институтам, оказывается сильнее ксенофобии, которая вытесняется с межличностного на обобщенный уровень. Отношение к дворнику из Центральной Азии значимо хуже, чем к человеку из ближнего круга: первый воспринимается как абстрактный стереотипный персонаж, а второй — как конкретный человек, с которым респондент поддерживает общение.

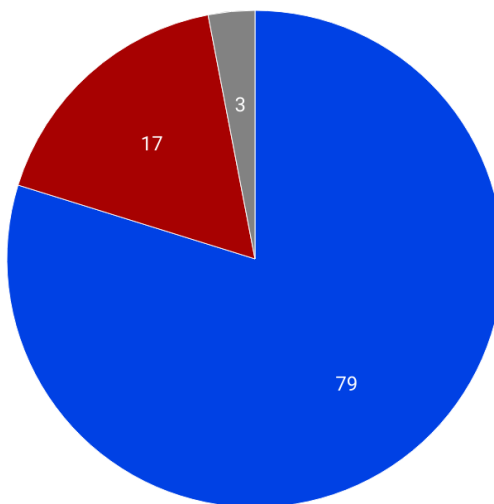
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ: ВОСПРИЯТИЕ МИГРАНТОВ И «КАРТИНА МИРА»

Если перейти с уровня межличностного общения на институциональный уровень восприятия проблемы трудовой миграции, картина выглядит более сложной.

Впрочем, уровень поддержки дискриминации по национальному признаку оказался относительно низким. Прямую дискриминацию («Должны ли русские в России обладать большими правами, чем люди других национальностей, или все граждане страны должны иметь равные права?») поддерживают 17% респондентов, по крайней мере на декларативном уровне, а четверо из пяти опрошенных (79%) поддерживают равноправие. Тревога и неприязнь к мигрантам из Центральной Азии во всех четырех социальных ролях прямо связана с готовностью ущемить в правах представителей нерусских этносов. Около 40% испытывающих тревогу или неприязнь к мигрантам, если они будут работниками ЖКХ или такси (39%), врачами или медсестрами (38%), соседями (36%) или супругами родственника или друга респондента (39%), поддерживают дискриминацию нерусских этносов. Но сама группа испытывающих такие чувства, напомним, не так велика (20–30%).

«Должны ли русские в России обладать большими правами, чем люди других национальностей, или все граждане страны должны иметь равные права?», % от числа опрошенных

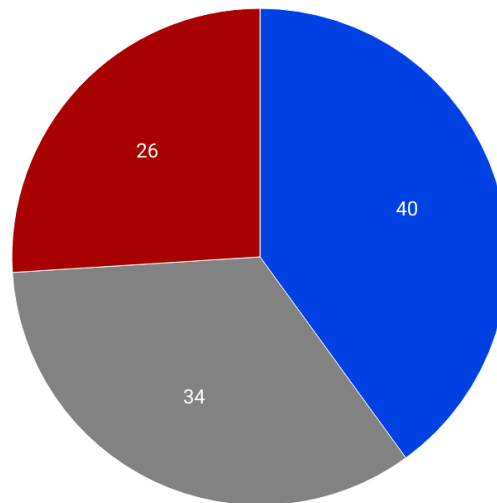
■ Все граждане страны должны иметь равные права
■ Русские должны обладать большими правами
■ Затрудняюсь ответить / отказ от ответа

В то же время результаты опроса показали, что труд мигрантов оценивается россиянами довольно низко. Лишь каждый третий опрошенный (35%) говорит, что пользы от труда мигрантов из Центральной Азии больше, чем проблем, и только четверть (26%) признает факты нарушения их прав. По 40% опрошенных считают, что проблем от мигрантов больше, чем пользы, и такая же доля утверждает, что какая бы то ни было дискриминация мигрантов в России отсутствует. В целом это говорит о том, что россияне не вполне осознают значимость труда мигрантов для российской экономики и, соответственно, не склонны задумываться над теми проблемами, с которыми мигранты сталкиваются.

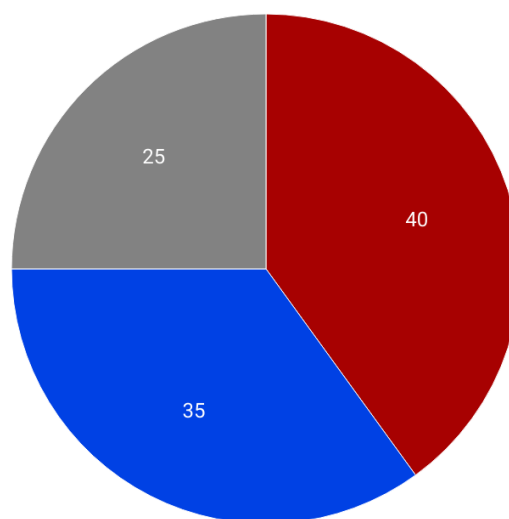
«Как вы считаете, нарушаются или нет сейчас в России трудовые и гражданские права мигрантов, подвергаются они дискриминации или нет?», % от числа опрошенных

■ Нет, права мигрантов не нарушаются ■ Затрудняюсь ответить / отказ от ответа
■ Думаю, что права мигрантов нарушаются

«Как вы думаете, от мигрантов из Центральной Азии для России больше пользы или больше проблем?», % от числа опрошенных

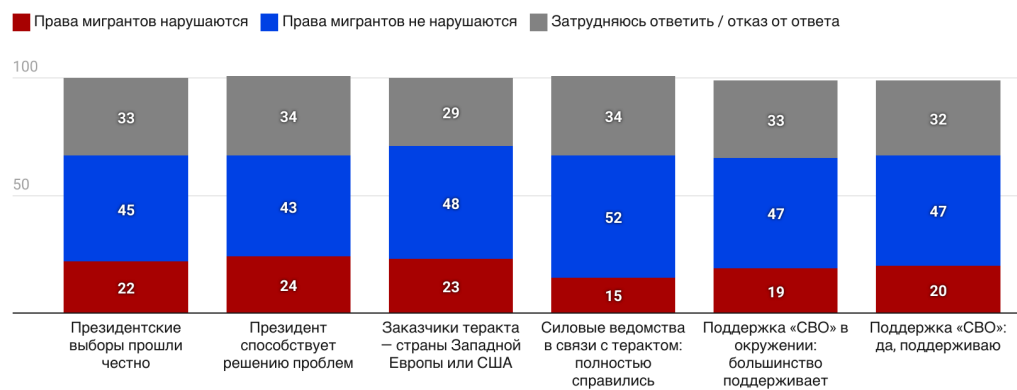
■ Больше проблем ■ Больше пользы ■ Затрудняюсь ответить

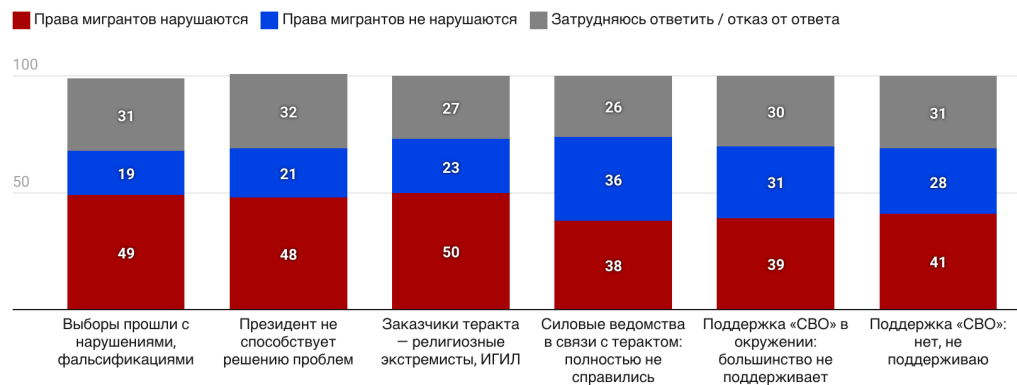
Среди считающих, что проблем от мигрантов больше, чем пользы, усредненный показатель негативных эмоций в отношении них составляет 34% (против 9% среди уверенных в том, что они приносят больше пользы). Таким образом, негативные эмоции и «недооценка» мигрантов непосредственно связаны. С другой стороны, усредненный показатель негатива в отношении центральноазиатских мигрантов не различается в группах тех, кто признает и не признает наличие дискриминации в отношении мигрантов. По всей видимости, отрицание дискриминации мигрантов является не признаком ксенофобии, а способом сохранить комфортное представление о социальной реальности.

Вопросы о пользе труда мигрантов и о том, дискриминируют ли их в России, в целом оказались сильно политизированы, то есть при ответе на них респонденты апеллировали к некой нормативной картине мира. Лагерь сторонников и противников действующей власти, представленные в опросе, достаточно консистентны в ответах на вопросы о поддержке Путина, честности выборов и отношении к интервенции в Украину. Противники действующей власти вдвое чаще ее сторонников говорят о нарушениях прав мигрантов в России (48% противников Путина против 24% его сторонников) и на треть чаще — о пользе мигрантов для России (43% не поддерживающих «СВО» против 32% поддерживающих). В то время как лоялисты в два раза чаще утверждают, что права мигрантов не нарушаются, и не склонны придавать их роли на рынке труда большое значение.

«Нарушаются ли в России права мигрантов?», % от числа опрошенных, поддерживающих ниже следующие мнения и утверждения

Источник: ExtremeScan

Источник: ExtremeScan

С другой стороны, среди оппозиционно настроенных россиян, как ни странно, несколько больше выступающих за особые права русских, то есть дискриминацию мигрантов (23% среди противников «СВО» и 15% среди ее сторонников) и чуть выше значение усредненного показателя негатива к выходцам из Центральной Азии (22% среди уверенных в фальсификациях президентских выборов против 19% среди считающих выборы честными). Иными словами, сторонники закрепления особых прав русских не консистентны по политическим взглядам. А в лагере оппозиционно настро-

енных россиян просматриваются две группы: в одну входят сторонники либерально-гуманистических ценностей, выступающие за межнациональную толерантность и против дискриминации, в другую — те, кто не поддерживает президента и военные действия, но не из-за ценностных разногласий с российским руководством, а по всей видимости потому, что возлагает на президента и его политику вину за ухудшение своего материального положения. Среди столкнувшихся с таким ухудшением больше и противников действующей власти, и испытывающих негативные чувства к мигрантам из Центральной Азии.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ: УМЕРЕННАЯ КСЕНОФОБИЯ И НИЗКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Таким образом, уровень ксенофобии — неприязни к мигрантам из Центральной Азии — даже после теракта в «Крокус Сити Холле» с социологической точки зрения можно определить как умеренный. Усредненный показатель негатива в целом по выборке равен 19%. И это отношение к мигрантам в последние годы в целом остается на стабильном уровне. Если добавить к этой группе испытывающих более умеренный или ситуативный негатив (в одной из нескольких предложенных ситуаций), можно сделать вывод, что настороженное и/или негативное отношение характерно примерно для трети россиян.

Полученные результаты согласуются с данными аналогичных исследований, проведенных другими социологическими центрами при помощи других опросных методов. Так, [по данным опроса ФОМ, проведенного в феврале 2022 года по месту жительства](#), четверть россиян (25%) испытывают недовольство, беспокойство по поводу мигрантов из стран Центральной Азии. Примерно столько же (24%) негативно отнеслись бы к жизни по соседству с ними, 50% считают, что их въезд в Россию следует ограничить, то есть регулировать. При этом в опросе ФОМ практически равные группы сочли, что мигранты приносят больше пользы (29%) и больше вреда (30%), при большой доле не определившихся с ответом. [Опросы «Левада-центра» по месту жительства, проводившиеся в последние годы](#), показали, что уровень подозрительности в отношении мигрантов из Центральной Азии несколько вырос. В 2021 году жителями России их готовы были видеть 45% опрошенных, 25% выступали за то, чтобы разрешать им только временный въезд, а 26% — за то, чтобы не пускать совсем. В апреле 2022 года уровень толерантности несколько повысился: жителями России мигрантов готовы были видеть 54%, в качестве временных работников — 27%, а «не пускать в Россию» хотели лишь 15%. В апреле 2024 года первая группа сократилась до 39%, вторая осталась практически такой же, а вот вариант «не пускать в Россию» выбрали 31% опрошенных. Это значительный рост по сравнению с 2022 годом, но не столь значительный по сравнению с 2018–2021-м, когда за запрет на въезд мигрантов из Средней Азии выступали в среднем 27% опрошенных. При этом в опросе ФОМ практически равные группы сочли, что мигранты приносят больше пользы (29%) и больше вреда (30%), — при большой доле не определившихся с ответом.

Как показал опрос ExtremeScan, мужчины в целом относятся к мигрантам толерантнее женщин: по сравнению с женщинами, среди мужчин ниже

усредненный показатель негатива (16% против 22%), больше признающих пользу от мигрантов (38% против 32%) и ниже поддержка ущемления нерусских в правах (13% против 20%). Среди всех возрастных групп терпимее всего к мигрантам молодежь. Россияне 18–29 лет в среднем реже испытывают тревогу или неприязнь к выходцам из Центральной Азии (13%), реже соглашаются ущемить права нерусских (12%) и чаще признают существование дискриминации мигрантов (39%). Также толерантнее к мигрантам люди с высшим образованием: они полагают, что от центральноазиатских мигрантов больше пользы (38% против 32% среди не имеющих высшего образования), и значительно реже считают, что русские в России должны иметь больше прав, чем люди других национальностей (13% против 21%).

Москвичи и петербуржцы с большей тревогой относятся к приезжим из Центральной Азии: усредненный показатель негатива к ним в столицах равен 24% при 19% в среднем по выборке. В то же время жители столиц чаще говорят о нарушениях прав мигрантов (30%) и пользе от них (40%) и не выделяются по уровню поддержки этнического равноправия.

Россияне, столкнувшиеся с ухудшением материального положения, как уже было сказано, менее толерантны к мигрантам. Они чаще относятся к таким приезжим с неприязнью или тревогой (23%) по сравнению с теми, чье материальное положение улучшилось (15%). Россияне с ухудшившимся материальным положением вдвое чаще улучшивших его говорят о необходимости больших прав для русских по сравнению с другими этносами: 22% против 11%.

Другим важным фактором, влияющим на тревожность россиян в отношении азиатских этносов, является тревожность в отношении будущего в целом. Так, в группах, где опасаются, что в наступившем году в стране могут произойти новые теракты, новая мобилизация, техногенные катастрофы, злоупотребления сотрудников силовых ведомств, болезни, эпидемии и пр., уровень тревоги и неприязни к мигрантам (21–24%) вдвое выше, чем у тех, кто исключает возможность таких событий в ближайшее время (11%). Как видим, тревожность относительно «мигрантов» здесь вписана в общий фон тревожностей.

Но все эти колебания находятся в не столь значительном диапазоне отклонений от указанных выше средних цифр. При этом сокращение социальной дистанции снижает уровень недоверия: межличностное общение позволяет снять «стереотипический» негатив. Доверие россиян к своему окружению, компенсирующее обобщенное недоверие и низкое доверие к институтам, оказывается сильнее ксенофобии, которая вытесняется с межличностного уровня на обобщенный. В то же время поддержка прямой дискриминации нерусских людей, выраженной в ограничении их прав по сравнению с правами русских (за это выступают 17% опрошенных), близка к усредненному уровню недоверия/тревоги в отношении мигрантов.

При относительно невысоком уровне враждебности и настороженности российское общество не имеет определенной позиции относительно того, насколько мигранты необходимы российскому трудовому рынку и, соответственно, относительно того, есть ли необходимость защищать их права.

Оппозиционно настроенные россияне имеют положительное мнение по этим вопросам почти в два раза чаще, чем россияне лояльные и более восприимчивые к «официальной» точке зрения. При этом вторая группа составляет большинство опрошенных. И это обстоятельство заставляет предположить, что «подозрительность» к мигрантам в определенной мере подпитывается сверху.